СЛОВО МЕДИКА КЪ БОЛЬНЫМЪ И КЪ ЗДОРОВЫМЪ.

Не слѣзая, почти три года сряду, съ казацкаго сѣдла, устанешь и захочешь успокоиться. Желанія мои исполнились, и я наконецъ, послѣ многихъ переворотовъ вступилъ опять въ составъ мирнаго гражданскаго общества, принадлежу снова званію своему, отъ котораго на конѣ и на бивакахъ легко отвыкнуть и отстать. Чтобы избѣгнуть сей жалкой участи, должно итти впередъ, итти съ вѣкомъ и съ временемъ. Ученыя современныя изданія, знакомящія насъ со всѣми новыми изобрѣтеніями, открытіями, успѣхами Науки и Искусства, служатъ лучшими проводниками на широкую улицу просвѣщенія и учености, познаній и открытій. Но эта широкая улица — настоящій толкучій рынокъ; здѣсь очень мало новаго, еще меньше новаго и годнаго; довольно краденаго, поддѣльнаго,

мишурнаго; — старые, обношенные, подкрашенные лоскутки продаются за новое, и нельзя быть довольно осторожнымъ, чтобы не купить, вмѣстѣ съ негоднымъ товаромъ, еще и... платяныхъ инфузорій, самыхъ дурныхъ и неужиточныхъ гостей! Но тѣмъ болѣе надобно радоваться, встрѣчая здѣсь дѣйствительно общеполезное, и благодарить благомыслящихъ за продажу или за выставку.

Въ извѣстномъ Хирургическомъ Журналѣ Грефа и Вальтера (годъ 1831, часть 15, книжка 1) нашелъ я, между прочимъ, нѣсколько страницъ самобытнаго, остроумнаго, хотя и не всегда справедливаго, Писателя, въ коихъ онъ, обращаясь къ сотоварищамъ своимъ, Медикамъ, кричитъ караулъ! на счетъ превратнаго, зловреднаго, искаженнаго направленія нынѣшнихъ системъ врачеванія, и старается всѣми силами доказать, что пилюлями, порошками, микстурами легко потрясти силу животную до такой степени, что она не въ состояніи

болѣе будетъ защищать и удерживать самостоятельность свою, и что напротивъ творческой силы въ микстурахъ, и самыхъ драгоцѣнныхъ, не бываетъ; что Врачъ слуга Природы, а не господинъ ея. Но Врачи не знаютъ Природы, не знаютъ болѣзни. И когда имъ узнать то или другое? Въ Академіяхъ, едва успѣвъ ознакомиться съ предисловіемъ и введеніемъ въ Медицину, уже вступаютъ въ Клиники. Приступаютъ къ постели больнаго, и здѣсь уже начинается это зло пагубное, это закоренѣлое: Recipe. Мы, не видавъ естественнаго теченія болѣзни, уже начинаемъ по прихотямъ наставлять Природу, и переиначивать, сбивать ее съ пути. Кто надѣется единственно на рецептъ, и ввѣряетъ каждый грядущій день аптекѣ, прибавлю я, тотъ походитъ на Жида, который хотѣлъ, вмѣсто коня, заложить въ оглобли плеть — далеко ли онъ на ней уѣдетъ? Наконецъ посвященный въ таинства, продолжаетъ Сочинитель, выходитъ изъ науки, начинаетъ пестрою Латынью и многосложными микстурами

встрѣчать и провожать корь, оспу, рожу, насморкъ и кашель. Приближенные немогущаго желаютъ только одного названія болѣзни. Пусть будетъ простудная лихорадка, чрезъ два дня желчная гнилая горячка, лишь бы только Медикъ навѣщалъ добросовѣстно хвораго день и ночь, былъ привѣтливъ, не прекословилъ, соглашался на всѣ предразсудки, и за день до отшествія обреченнаго, пожалъ плечами и нахмурилъ задумчиво брови. Кто не наблюдалъ хода и теченія болѣзни безъ вліянія средствъ нашихъ, тотъ не знаетъ, нужны ли они, почему и гдѣ, и не обошлось ли бы лучше и надежнѣе безъ нихъ. Вотъ почему Гомеопатія дѣйствительно подражанія и распространенія достойна. Здѣсь больной, строго оберегаемый отъ всѣхъ вредныхъ вліяній, спокойно ожидаетъ разрѣшенія болѣзни, ибо воображаетъ, что принимаетъ лекарство, которое силою дѣйствія равняется нулю. Истина сего доказывается успѣхами Гомеопатіи: ничѣмъ не обременяемый, неистощенный лекарствами организмъ скоро и благонадежно

выздоравливаетъ; нѣтъ этого медлительнаго состоянія между болѣзнію и здоровьемъ (periodus reconvalescentiae), происходящаго отъ насильственной преграды, поставляемой нами критическимъ усиліямъ Природы. Шарлатанъ, на зовъ трубы или барабана коего сбѣгается народъ и покупаетъ и зубные порошки его и чудотворныя капли, по справедливости спросить можетъ шута своего: кто изъ насъ играетъ дурака, ты, я или они? — Послѣдняя увертка убѣжище, чтобы избавиться отъ докучливаго больнаго — теплыя воды. Медикъ, отправляющій больнаго на теплыя воды, напоминаетъ шкипера купеческаго судна, который, проходя мимо военнаго трехдечнаго корабля, скромно салютуетъ, отдавая брамъ–фалы, т. е. опуская паруса. Медикъ, отказываясь отъ больнаго, и посылая его на воды, салютуетъ всесильную Природу, отдаетъ ей честь и славу. Универсальной, всѣ болезни излечивающей микстурѣ мы не вѣримъ, а хотимъ всѣ болѣзни излечивать однѣми и тѣми же минеральными водами!

Споримъ, превозносимъ, бракуемъ и предпочитаемъ воды сіи однѣ другимъ за какой нибудь гранъ болѣе или менѣе сѣры или соли, которыя въ аптекахъ и лавкахъ фунтами получать можно, забывая, что совершенно иной и приличнѣйшій родъ жизни, на который мы здѣсь, въ городѣ, не соглашаемся, составляетъ главную и, можетъ быть, единственную для насъ на водахъ пользу. Такъ мы всегда соглашаемся на строгую діету тогда только, когда принимаемъ въ то же время пилюли, и Медикъ увѣритъ насъ, что *при этомъ лекарствѣ* надобно избѣгать того или другаго! Мужикъ рѣдко нуждается въ пособіи Врача, потому, что онъ днемъ работаетъ, а ночью спитъ; потому, что наѣдается досыта однимъ блюдомъ, между тѣмъ, какъ къ вельможѣ на дворъ тянется цѣлый рядъ рыдвановъ съ Лейбмедиками, ибо такой же длинный рядъ поваровъ готовитъ для Его Сіятельства такой же безконечный рядъ лакомыхъ блюдъ. Совсѣмъ иначе дѣйствуетъ Хирургъ: онъ выступаетъ на поприще свое съ

увѣренностію, не блуждаетъ въ потьмахъ, а дѣйствуетъ открыто, при свидѣтеляхъ; у Медика больной волею Божіею умре — ему отмежуютъ землицы косую сажень, надѣнутъ на него деревянный шлафоръ, поставятъ въ землянку, дадутъ крестъ во весь ростъ, и — свѣжая трава поростетъ на свѣжемъ дернѣ: вотъ судъ, вотъ и расправа! Кто осмѣлится укорить меня, кто первый на меня подниметъ камень? Онъ самъ блуждаетъ во мракѣ, и онъ не ясновидящій, какъ и я, и, можетъ быть, въ минуту обвиненія моего дѣлаетъ ошибку грубѣе, непростительнѣе моей! Напротивъ того, несносный человѣкъ, которому я не угодилъ вправить вывихъ, переломъ, храмлетъ — живая улика — по бѣлу свѣту, людямъ на смѣхъ, мнѣ на укоръ, и можетъ быть, объ одной ногѣ еще и меня переживетъ. «Если бы, восклицаетъ Сочинитель, если бы всѣ, падшіе жертвой новыхъ системъ, ипотезъ и модныхъ предразсудковъ, возстали и отрясли отъ сна вѣчнаго вѣжды свои — то гдѣ бы имъ, со всѣми имѣвшими отъ нихъ произойти

поколѣніями, сыскать на землѣ нашей мѣста и пропитанія? Если все это не справедливо, то отъ чего же въ городахъ, въ столицахъ, куда несравненно болѣе нашей братьи набивается, смертность и хилость въ томъ же содержаніи превосходятъ смертность и хилость въ деревняхъ и селахъ?»

Кончу этимъ выписку. Я хотѣлъ только показать мысли Писателя. Повторяю: у него много преувеличено; есть несправедливости, противорѣчія напримѣръ: Сочинитель ревнуетъ рѣшительно противу употребленія какихъ либо сильно дѣйствующихъ и ядовитыхъ средствъ, а на слѣдующей же страницѣ расказываетъ самъ, какъ онъ пользуетъ извѣстную болѣзнь ртутными натираніями, и, не смотря на открывшееся слюнотеченіе, все еще продолжаетъ; — встрѣчаются вещи несбыточныя, лжемудрыя сужденія; напр. если захворавшій не упуститъ ничего, Медикомъ предписаннаго изъ виду, но имѣетъ право требовать, чтобы здоровье его было опять возстановлено въ прежнемъ

совершенствѣ своемъ; въ другомъ мѣстѣ Сочинитель отвергаетъ вовсе пользу холоднаго купанья и такъ далѣе; но цѣлое, въ итогѣ своемъ, представляетъ много истины. Что я всегда былъ, нѣкоторымъ образомъ, подобнаго мнѣнія, доказываетъ вышеприведенная мною прибасенка о кнутовище въ оглобляхъ, и слѣдующее выраженіе въ письмѣ, писанномъ мною уже почти два года передъ симъ, въ коемъ, говоря о непонятной причинѣ смерти скоропостижно–умершаго и мною вскрытаго, заключаю такъ: «Чтобы кончить и рѣшить недоумѣніе наше, конечно всего легче прибегнуть къ обыкновенному въ такомъ случаѣ средству: дадимъ покойной болѣзни покойное названіе нервическаго удара, apoplexia nervoэa, или ему подобное, и оно прикроетъ тмою таинственною наготу и нищету познаній нашихъ отъ нескромныхъ изыскательныхъ вопросовъ непосвященныхъ въ таинства — Латинскаго языка!» Искусство наше дѣйствительно темное, сомнительное, злоупотребленій отъ неумѣстной рецептоманіи много; — но я

началъ и кончилъ выписку эту съ тѣмъ, чтобы пропѣть къ ней второе колѣно; чтобы показать въ нѣсколькихъ словахъ, что сами вы, господа, дѣлаете изъ насъ то, за что полное право имѣете гнѣваться въ послѣдствіи и упрекать насъ; что сами вы себѣ строите бѣду, да примащиваетесь ею же, и въ добавокъ дорого приплачиваетесь и деньгами, и здоровьемъ; выслушайте!

Во–первыхъ: вы, будучи здоровы, въ ежедневномъ быту своемъ дѣлаете непрестанные набѣги и вылазки на нравственныя и тѣлесныя животныя силы свои, и никогда не хотите вѣрить, если вамъ говорятъ заранѣе: будетъ худо! Вы, повторяю, хотите въ послѣдствіи выѣхать на микстурѣ, какъ Жидъ на кнутовищѣ – этого нельзя!

Во–вторыхъ: захворавъ немного, вамъ кажется или слишкомъ тягостнымъ покориться на продолжительное время новому роду домашней жизни, діетѣ, или вы почитаете это излишнимъ, надѣетесь на.... на пилюли, на капли, и опять уже

притча моя о кнутовищѣ въ оглобляхъ на своемъ мѣстѣ.

Въ–третьихъ: вы, или вы, заболели. Вы посылаете за вашимъ Докторомъ немедленно. Онъ приходитъ, распрашиваетъ подробно; вы охаете и расказываете. Опытный и честный собратъ мой, посмотрѣвъ языкъ, подержавшись за пульсъ, словомъ, не упустивъ ничего изъ виду, что могло бы служить ему для точнаго узнанія болѣзни вашей, заключаетъ такъ: «Вы немного простудились; теперь однодневныя лихорадки, какъ ваша, показались повально. Просидите сегодня дома; напейтесь, если хотите, вечеромъ чего нибудь теплаго, прописывать лекарства не для чего, все это кончится сегодня или завтра само собою, тѣмъ или тѣмъ, такъ или эдакъ.» Вы молчите и недовѣрчиво глядите Доктору въ глаза; онъ уходитъ, и вы остаетесь въ какомъ–то странномъ положеніи, недоумѣніи, какъ будто еще ожидаете чего–то, и васъ въ чемъ–то не удовлетворили. Вы перемогаетесь еще часъ, другой, скучаете; наконецъ — есть предѣлъ

всему, даже и терпѣнію, наконецъ вы не въ силахъ. За что, спрашиваете буду я мучиться и платить даромъ Доктору, который ничего не хочетъ прописать, не хочетъ помочь мнѣ? Мнѣ отъ этого, я это чувствую, сдѣлается хуже, и тогда, можетъ быть, поздно уже будетъ пособить; и что это за своенравіе, для чего онъ не хочетъ сократить моего страданія, какой же онъ лекарь если онъ не лечитъ? Вѣроятно, онъ въ ссорѣ съ аптекаремъ, а мнѣ это на свои плечи брать?

Я уже молчу о томъ, если у васъ супруга нѣжная, напримѣръ Наталья Дмитріевна — если танты услужливыя, собравшись въ домѣ страдальца для попеченія о немогущемъ, расказываютъ въ переплетъ одна съ другою, какіе ужасные они наживали примѣры отъ того, что болѣзнь была запущена; какъ Бабарыка Штандартовна или Камилла Киргизовна отъ этого семь лѣтъ и семь дней сиднемъ сидѣли; — однимъ словомъ, вы посылаете за мною; — ибо не хотите жертвовать здоровьемъ и жизнію прихотямъ этого

хвата, который деньги получать умѣетъ, а лечить, т. е. рецепты писать, кажется, разучился. Являюсь. Вы, и Наталья Дмитріевна, и танты ваши, всѣ меня умоляютъ пособить скорѣе, чернилица и бумага уже на столѣ, я вижу, чего отъ меня добиваются. Хорошо, если я, почесавъ лобъ и расчеркнувшись, пропишу вамъ подслащенной водицы или хлѣбныхъ пилюль — вы тогда имѣете право назвать меня шарлатаномъ, но — безвреднымъ. — Я прихожу завтра, дѣло идетъ хорошо; вы здоровы и чрезвычайно благодарны мнѣ за скорую помощь, подумавъ про себя: какое счастіе, что я не послушался вчера этого гуся; я бы пролежалъ три недѣли! Но ежели, возьмемъ и тотъ случай — ежели я войду, подойду и протяжно сдѣлаю вамъ ничѣмъ не измѣняемые обычные мои семь вопросовъ — кивну головой, поведу бровями, пожму плечами, и напишу рецептъ пестрѣе винегрета, въ который входитъ и арника, и валеріана и серпентарія и liquor onodynuэ — однимъ словомъ, вся аптека — васъ броситъ въ жаръ, разболится голова,

и прочая и прочая, и вы наконецъ, чрезъ недѣлю, двѣ, будете благословлять судьбу свою, что попались въ руки такому старательному и знающему человѣку; ибо теперь только видно, что болѣзнь ваша была не безопасна; видно, какъ плохо первый зналъ дѣло свое, признавъ болѣзнь однодневною лихорадкою, и не хотѣвъ еще замарать пальцевъ и написать рецептъ, и если бы онъ не запустилъ болѣзни въ самомъ началѣ, а сей же часъ употребилъ надлежащія средства, то вѣроятно она прекратилась бы гораздо ранѣе; но онъ ея не узналъ. И такъ онъ виноватъ.

Прошу васъ теперь сказать, какія средства имѣетъ первый для оправданія

своего! Переувѣрить васъ нельзя; вы говорите: «я самъ испыталъ, самъ видѣлъ и чувствовалъ, спорить со мною и изобличать меня въ невѣжествѣ, въ обманѣ — это средство Медика недостойное, да и безполезное; оно ни къ чему не поведетъ, кромѣ всеобщаго стыда нашего и сраму, а доказательства, если на то пойдетъ, у меня въ рукахъ, а не у него.» И такъ собратъ мой виноватъ. Онъ молчитъ. Не говорите мнѣ, что долгъ истины, не смотря на встрѣчаемыя препятствія и затрудненія, повелѣваетъ Врачу, ни на что не взирая, и пренебрегая неблагоразумными требованіями и изъявленіями неудовольствія со стороны пользуемыхъ, итти своимъ путемъ, и поступать не соблазняясь ничѣмъ, по крайнему разуменію своему, по совѣсти; — я это и самъ знаю, но — мы здѣсь говоримъ о людяхъ, каковы они есть и будутъ всегда, — много ли найдется такихъ Медиковъ, которые бы пожертвовали всѣми видами и выгодами, чтобы не имѣть даже безкорыстнаго утѣшенія: *быть полезнымъ;*

ибо я доказалъ, кажется, достаточно, и самъ узналъ опытомъ, что таковой Медикъ не будетъ имѣть довѣрія, слѣдовательно и не будетъ пользовать больныхъ; онъ не успѣетъ на пути своемъ, и такъ ему прійдется оставить званіе это, чтобы не прослыть безславнымь тунеядцемъ. Въ самомъ дѣлѣ, долго ли нѣжная мать будетъ смотрѣть на это равнодушно, что любимецъ ея лежитъ дни, недѣли, въ кори или въ оспѣ или въ иной какой либо болѣзни; что я, навещая его ежедневно, поглядѣвъ и поласкавъ его, ухожу какъ пришелъ, и не могу собраться съ духомъ и рѣшиться однимъ почеркомъ своимъ пролить магическій цѣлебный бальзамъ на страдальца? Больной, и малый и большой, хочетъ имѣть передъ собою стклянoчку съ сигнатуркой; онъ держится за нее руками и глазами, отлетающая жизнь его послѣднимъ померкающимъ взоромъ покоится на ней — онъ хочетъ, а еще болѣе того окружающіе его хотятъ, считать часы и наливать по ложкѣ! Вотъ въ чемъ дѣло; это утѣшительно. Мы ходимъ около больнаго,

онъ не забытъ; мы сдѣлали, что могли. Время и тоска легче убиваются. А наконецъ, господа, спрашиваю васъ по совѣсти, что бы вы сказали обо мнѣ, если бы подъ моимъ пользованиемъ умеръ больной, который, въ продолженіе всей болѣзни своей лекарства не получилъ ни ложки? И такъ, если я и твердо увѣренъ, что средства мои безполезны, тщетны, даже вредны, я долженъ, я нахожусь въ необходимости прописывать, если не хочу отказаться единожды навсегда отъ званія своего! Кто въ кони пошелъ, тотъ и воду вози! Вотъ, мимоходомъ замѣтить, ключъ къ загадкѣ, почему у насъ, въ Россіи много Медиковъ недовольныхъ званіемъ своимъ, а Французскіе Медики всегда веселы и совершенно собою довольны. Я знаю много Русскихъ, которые вполнѣ чувствуютъ слабую сторону Искусства нашего, невыгоды званія, недостатокъ средствъ и безпомощное свое положеніе; — безсовѣстная самонадеянность Француза, напротивъ того(*), его эavoir faire et эavoire

---

*Общее замѣчаніе сіе ни какого частнаго лица касаться не можетъ. *Соч.*

vivre обольщаютъ; шарлатанство, подъ личинами сихъ послѣднихъ ухватокъ, скрывается искусно и онъ успеваетъ.

Я позволяю себѣ только иногда обманывать причудливыхъ беременныхъ женщинъ и избалованныхъ дѣтей, съ прочими больными, и особенно съ мужчинами, обращаюсь всегда честно, открыто; прописываю мало и рѣдко, и восхищаюсь, созерцая все величіе и силу матери Природы, которая, особенно въ острыхъ болѣзняхъ, упорствуя въ борьбѣ таинственной съ болѣзнію, съ погрѣшностями больнаго и Медика, остается нерѣдко побѣдительницею. Но зато я нерѣдко доживалъ и до того, что отъ меня обращались къ такому Врачу, который не всегда согласовался съ истинами, нашимъ вышеприведеннымъ Писателемъ изложенными, но прописывалъ то и сё, а Природа шла своимъ путемъ, переработывала, если успѣвала, и болѣзнь и неумѣстныя средства, и больной понемногу поправлялся; приближенные

были довольны, и Медикъ въ славѣ, и Аптекарь сытъ — одинъ я въ дуракахъ!

Цѣль этой статьи не укроется отъ благонамѣреннаго читателя, здороваго и больнаго. Прошу не забыть что она написана Медикомъ; Медикомъ, сверхъ того, который, изъ любви и пристрастія къ нынѣшнему званію своему, уже въ зрѣлыя лѣта посвятилъ себя оному, и вымѣнялъ саблю и эполеты на дипломъ Доктора Медицины; что онъ хотя и былъ нѣкоторымъ образомъ обманутъ, не нашелъ всего того, чего искалъ — но любитъ званье свое и понынѣ, никогда не имѣлъ случая сожалѣть о томъ, что сдѣлалъ шагъ этотъ, но, будучи сильно убѣжденъ въ изложенной истинѣ, а именно: что мы девяносто девять рецептовъ пишемъ, если не вредныхъ, то по крайней мѣрѣ безполезныхъ, а одинъ нужный, и что пользуемые нами и приближенные ихъ насъ къ тому понуждаютъ; будучи сильно убѣжденъ въ этомъ, счелъ бы себя счастливымъ, если бы могъ, сказаннымъ, убѣдить кое кого изъ почтенныхъ читателей

въ истинѣ онаго, и тѣмъ способствовать, по долгу и обязанности своей, хотя заочно, къ сохраненію долголѣтія его и благоденствія. Искренно совѣтую любителямъ лекарства обратиться къ Гомеопатамъ; леченіе ихъ дѣйствительно, при таковыхъ обстоятельствахъ, спасительнѣе нашего. Не менѣе того считаю обязанностью замѣтить, что самъ я никогда по сему способу не пользую, ибо считаю званіе свое превыше всѣхъ самохвальныхъ обаятельныхъ ухватокъ. Пыль въ глаза пускать бываетъ нередко полезно, если это дѣлается съ разборчивостію; но съ правилами каждаго это не согласуется. Valete!

В. ЛУГАНСКІЙ,
отставной Флота Лейтенантъ
и Докторъ Медицины.

С. Петербургъ, въ типогр. Н. Греча. Печатать позволено. Іюня 5, 1832. Ценсоръ В. Семеновъ.